

Надійшла до редакції 09.01.2012 р.

УДК 141.113:316.733

ПОНЯТИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

И. В. Рудакова

Реферат. *Рассматривается сосуществование термина повседневность с близкими по значению к нему понятиями в социально философском дискурсе. Указываются основные характеристики повседневности, позволяющие разграничить ее с синонимичными понятиями.*

Ключевые слова: *повседневность, жизненный мир, обыденность, быт.*

Понимание того, что постижение человека должно происходить не только умозрительно, но, прежде всего, целостно, способствовало обращению философов к проблеме повседневности. В современном мире, где социальные трансформации происходят с большой скоростью, эта тема стала особенно актуальной. Именно повседневность является той основой, которая «переплавляет» новые тенденции и сохраняет старые, поэтому без обращения к ней невозможно понять ни что такое человек, ни смысл происходящих социальных процессов.

Несмотря на то, что анализируемая тема приобрела самостоятельный статус в науке сравнительно недавно, количество публикаций говорит о большом интересе со стороны исследователей. Сосредотачивая свое внимание на повседневности как области социального мира, учеными проводится анализ ее специфики (П. Бергер, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Е. В. Золотухина-Аболина, Т. Лукман, А. Сикурел, А. Шютц и др.), выявляются структурные элементы (Л. Г. Ионин, И. Т. Касавин, Б. В. Марков, В. Н. Сыров, С. П. Щавелев и др.). В то же время работ, в которых бы анализировалось непосредственно само понятие «повседневность» очень мало. В этом направлении важными являются труды В. В. Корнева, В. К. Суханцевой, М. П. Шубиной и др. Так, с одной стороны, внимание сосредотачивается на проблеме прояснения непосредственно понятия повседневности, а с другой – в них нет четкого разделения его с синонимичными понятиями. Отсюда цель данной статьи – определение понятие повседневности через сопоставление с его синонимами «жизненный мир», «обыденность», «быт».

Прежде всего, рассмотрим пару «повседневность» – «жизненный мир». Исторически последнее появилось раньше, и по своему содержанию шире, чем повседневность. Появление понятия «жизненный мир» связано с именем Э. Гуссерля. Решение актуальных теоретических проблем философии, разрешение кризиса науки и жизни – он предполагал искать в живом человеческом мире. Согласно его теории, наука не дает возможности в него проникнуть, так как она существует в мире «объективированных абстракций». Поэтому, необходимо пересмотреть свое отношение к науке, к полученным от нее знаниям, и пройти путь науки в обратном направлении: вернуться к исходному пункту – к донаучным знаниям мира.

Анализируя понятие жизненного мира у Э. Гуссерля, известный русский социолог Л.Г. Ионин пишет, что «он представляет собой целое, поскольку именно в целом он выступает как нечто самоочевидное, самодостоверное. Это целое не имеет четкой архитектоники, его структура неопределенна, не эксплицирована. По отношению к активности субъекта жизненный мир представляет собой «горизонт» всех его целей, проектов, интересов независимо от их временных, пространственных, ценностных и прочих масштабов» [1,45–46]. Для него характерны «непосредствен-

ная очевидность» его феноменов, а также их «интуитивная достоверность» для индивидов. Это свидетельствует о преобладании естественной установки, однако, в нем имеет место и теоретическая составляющая.

Понятие «жизненного мира» включает в себя все взаимоотношения человека с окружающей действительностью, формирующиеся в течение его жизни. Что, в сущности, как убедительно показывает в своих трудах Э. Гуссерль, и является миром человека. К этому же миру относится и повседневность, поэтому эти понятия (жизненный мир и повседневность), безусловно, близки по значению.

Наиболее показательным это сходство проявляется в исследованиях по истории культур, в которых анализируется повседневная жизнь людей определенной исторической эпохи. Внимание ученых сосредотачивается на «реальных объектах прошлого»: орудия труда, формы поселений, языки, фольклор и др., являющиеся смысловыми сгустками. Их интерпретация помогает воссоздать стереотипы мышления и поведения в ту или иную эпоху. Здесь примером могут служить работы адептов «новой исторической науки» и русских медиевистов во главе с А. Я. Гуревичем.

Как известно, в философской антропологии синонимичными являются понятия «жизненный мир» и «повседневность». В определении последней как «ткани человеческих взаимодействий, каждое из которых в отдельности рационально, т.е. запланировано индивидами, но в совокупности своей образует такую структуру и порядок, который никем не планировался и не предусматривался. Разум и чувство выступают сторонами этого повседневного взаимодействия» [2,238], нет никаких признаков, которые выделили бы повседневность в отдельную сферу. Указанная тождественность повседневности и жизненного мира выявляется и в таких философских направлениях как прагматизм, экзистенциализм. И даже в новой философской энциклопедии повседневность определяется как «целостный социокультурный жизненный мир» [3,253], что позволяет говорить о широкой распространенности отождествления этих понятий.

В социальной теории взаимодействие анализируемых понятий проявляется на двух уровнях: эмпирическом и феноменологическом. На первом осуществляется анализ социальной жизни в ее бытовом аспекте: рассматриваются мир города и деревни, представления индивидов о самих себе и других, описываются «продуктовые корзины» и т.д., что в результате является также отождествлением жизненного мира и повседневности. На феноменологическом уровне исследование сферы социальных взаимодействий способствовало выделению повседневности как отдельной области исследования, но в тоже время ее определение не было достаточно точным.

Такая традиция неразличения «повседневности» и «жизненного мира» была заложена А. Шютцем. В его статье «Структура повседневного мышления» ярко проявляется смешение анализируемых понятий. Однако, можно выделить и расстановку смысловых акцентов в их определении. «Жизненный мир» определяется как мир, в котором «мы, как человеческие существа среди себе подобных, живем в обществе и культуре, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и, в свою очередь, подвергаются нашему воздействию» [4,129]. В данной цитате повседневность выступает как неотъемлемый и непроблематизируемый атрибут жизненного мира, то есть реализуется установка: «жизненный мир повседневен». Источником такого подхода являются труды Э. Гуссерля, в частности «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», где философ пишет о жизненном мире как повседневном.

При этом, А. Шютц говорит о том, что «с самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые

мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [4, 130]. В таком переключении внимания с проблемы жизни человека в социокультурном мире на моменты интерпретации «смыслового универсума» актуализируется тема повседневности. Здесь уже проявляются новые акценты, которые позволяют говорить о специфике повседневности как способе бытия в жизненном мире. В дальнейшем А. Шютц сосредоточился именно на функционалистской линии исследования повседневности, что в итоге привело к образованию различных направлений в социальной теории, которые объединяет общий принцип понимания повседневности как социально конструируемой реальности.

Развивая идеи А. Шютца, П. Бергер и Т. Лукман определяют повседневность как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [5,6]. Под реальностью ими понимается способность феноменов иметь бытие, независимо от нашей воли и желаний.

Повседневная реальность определяется как высшая, а все остальные (сон, игра и т.д.) – «конечные области значений», потому что на них переключается внимание с реальности повседневной жизни. Ее приоритет обусловлен спецификой конституирующих элементов. Она вбирает в себя явления, происходящие в ситуации «лицом-к-лицу». Следовательно, эта реальность организуется «здесь-и-сейчас» вокруг моего тела. Такое возможно в состоянии бодрствования, что воспринимается индивидом как нормальное и самоочевидное, то есть составляет его естественную установку. Поэтому данные явления воспринимаются как наиболее реальные. А также повседневность содержит в себе явления, не данные в ситуации «здесь-и-сейчас», что, по мнению П. Бергера и Т. Лумана, означает следующее: субъект «воспринимает повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности. Ближайшей к нему является та зона повседневной жизни, которая непосредственно доступна его физической манипуляции. Такая зона включает мир, находящийся в пределах его досягаемости, мир, в котором он действует так, чтобы видоизменить его реальность, или мир, в котором он работает. В этом мире труда его сознание руководствуется прагматическим мотивом, т.е. его внимание к этому миру определяется главным образом тем, что он делает, делал или собирается делать в нем» [5,42]. При этом индивид осознает, что в реальности повседневной жизни есть и другие зоны, не доступные его пониманию. Поэтому интерес к ним менее интенсивен, так как он не является непосредственным.

Соответственно, повседневная реальность разделяется на сектора, один из которых воспринимается привычно, а в других человек сталкивается с различными проблемами. Так, для особых социальных контекстов характерны специфические взаимосвязанные «агломераты “реальности” и “знания”».

Реальность повседневной жизни характеризуется с одной стороны, осознанием того, что это «мой мир *par excellence*», его наличность не требует доказательств, она просто существует, то есть критерием повседневности служит ощущение субъектом реальности. С другой – пониманием того, что повседневное знание человек делит с другими людьми, поэтому это мир интерсубъективный. Однако, это особая субъективация – типическая. В повседневной жизни индивид встречается, в основном, с типами, а не с живыми людьми, потому что у конкретной, отдельной личности есть проблемы, связанные с ними эмоции, переживания, а в большинстве повседневных взаимодействий указанное обстоятельство не учитывается. Более того, речь идет о двойной типичности, так как индивид не только воспринимает другого как тип, но и взаимодействует с ним в типичной ситуации.

Концепция организации повседневной жизни по принципу типизации, разрабатываемая П. Бергером и Т. Луманом, последовательно доказывается И. Гофманом,

посредством анализа фреймов. По мнению этого ученого, повседневность индивида социально структурируется, поскольку в каждой конкретной ситуации репродуцируются «порядки интеракции». Их бесконечное множество составляет континуум фреймов, представляющих собой систему посредничества между социальными институтами и индивидом.

Макроструктуры для индивида играют роль «внешних ограничителей» и расцениваются в социальном действии как нечто предзаданное, константное. Так, например, организация закрепляет за человеком социальный статус, который непосредственно сцеплен с ожиданиями того или иного поведения. Фрейм – это шаблон, помогающий индивиду распознать ситуацию и выстроить свои действия, реакцию соответствующим образом. Благодаря анализу фреймов И. Гофман показывает, что ситуация определяется не ее участниками. «Определения ситуации создаются, во-первых, в соответствии с принципами социальной организации событий и, во-вторых, в зависимости от субъективной вовлеченности в них» [6,71]. Участники могут лишь оценить, чем ситуация для них является, так в центре внимания оказываются особенности восприятия человека.

Еще одной специфической чертой повседневной жизни есть то, что индивид воспринимает ее реальность как упорядоченную. По мнению П. Бергера и Т. Лумана ее феномены систематизированы в типичных шаблонах, воспринимающиеся индивидом как независимые от него, потому что они образовались еще до рождения индивида. Следовательно, реальность повседневной жизни для субъекта оказывается уже объективированной до его рождения.

Большую роль в указанном процессе сохранения и передачи накопленного опыта в повседневной реальности играет язык. С его помощью происходит процесс объективации и типизации опыта субъекта в терминах, представляющий собой ценность не только для него самого, но и для других. Так же он выступает связующим звеном между конечными областями значения и повседневной реальностью. Человек в повседневной жизни воспринимает как данность то, что другие люди его понимают.

Детально исследуя эту точку зрения, Г. Гарфинкель приходит к выводу, что описание манеры разговора того или иного человека в конкретной ситуации не достаточно для понимания того, что он фактически сказал. Более того, детальное описание иногда приводит к совершенно обратному значению, то есть наблюдается большое различие между тем, **как** сказано и **что** сказано. При этом оба участника диалога верно друг друга понимают.

Данное обстоятельство проявляется ярче, если индивид начинает себя вести не в соответствии с ожиданиями оппонента. Такие эксперименты проводили студенты Г. Гарфинкеля. Один из них ученый приводит в своей книге: разговор мужа (испытуемый) и жены (экспериментатор) во время просмотра фильма. Муж замечает, что старые фильмы сделаны по одному лекалу. Вместо предполагаемого согласия жена начинает уточнять с помощью вопросов, что именно хотел сказать супруг. В ответ была реакция раздражения и реплика: «ты прекрасно понимаешь меня!» [7,53–54].

Анализ этой ситуации показывает, что есть некоторые условия способствующие взаимопониманию индивидов. Таким катализатором является «общее понимание», которое определяется как условие для беседы, нерелексированный фон разговора. Его существование дает предпосылки для взаимопонимания между людьми, то есть «навыки осознания» окружающей действительности, свойственные тому или иному социуму, отличаются устойчивостью благодаря тому, что закрепляются на глубинном уровне сознания, относящегося к сфере бессознательного. Поэтому они представляют собой «неявное знание», являющееся источником привычных моделей

поведения, схем мышления, выражающих видение и ощущение мира, представления и мифы, характерные для определенного общества.

В каждом обществе на любой стадии его развития существуют механизмы структурирования индивидуального сознания, а взгляды индивида всегда его репрезентируют. «Эпоха, в которую живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, дает ему определенные формы психических реакций и поведения, и эти особенности духовного оснащения обнаруживаются в коллективном сознании общественных групп и толп и в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи – в творчестве последних при всех неповторимых, уникальных особенностях проявляются те же черты ментальности, ибо всем людям, принадлежащим к данному обществу, культура предлагает общий умственный инструментарий и уже от способностей и возможностей того или иного индивида зависит, в какой мере он им овладел» [8,520].

Следовательно, будучи общей сферой для определенной группы людей, общее понимание в то же время не является константным, ибо постоянно изменяется. Это та сфера, где пересекаются индивидуальное и коллективное начала. Являясь частью сознания индивида, оно при этом так же принадлежит коллективному целому, то есть культурные нормы определяют его форму, а содержание формируется индивидуальной активностью. Поэтому «общее понимание» может быть динамичным даже в такой устоявшейся группе как семья.

На основании сформированного «общего понимания» у индивида, как члена той или иной группы, в отношении действий других возникают «фоновые ожидания», которые представляют собой установки на определенные действия, соответствующие той или иной ситуации, детерминированные социокультурными нормами группы. Однако данная обусловленность задает направление, а не ограничивает действия индивида, позволяя ему активно формировать характер социального взаимодействия и тип коммуникации. Таким образом, индивиды заняты ее упорядочиванием посредством объяснения, нахождения смысла всему происходящему. Наделять смыслом, значит, создавать осмысленную, а соответственно и упорядоченную социальную реальность. Тот или иной смысл формируется на основе здравого смысла индивида и контекста ситуации, то есть он является «индексированным». Каждая ситуация выступает «проектом действий индивидов» (Гарфинкель Г.), основанным на рациональности.

Существуя как искусственно созданная индивидами реальность, повседневность своими общими нормами, обеспечивающими наиболее высокую степень выживаемости, довлеет над индивидуальными проявлениями человека. Одновременно, индивид, выстраивая свой собственный мир, который так же есть повседневность, сопротивляется такой социальной детерминации. Формирование индивидуальной повседневности тождественно процессу самоидентификации. Под самоидентичностью понимается итог процесса становления, как «быть становящимся». Его реализация представляет собой диалектическое соединение двух процессов: идентификации и самоотличения.

Общепринятым является мнение, что процесс становления образа самого себя детерминирован социокультурными условиями. Понимание этого подводит к необходимости анализа становления социальности, то есть к сфере повседневности. Именно в ней и с ее помощью происходит процесс самоидентификации. Реалии повседневного мира создаются человеком в процессе экстернализации и объективации, в результате чего возникает кристаллизация человеческого опыта, передающегося будущим поколениям. Для индивида он является предзаданным, а значит чужим, иным, становящимся своим в процессе интернализации. Это первый способ самостановления, характеризующийся как идентификация себя с иным. Усвоение и

приятие определенной нормы, символических кодов позволяет понимать не только себя, но и других. Индивид в этом случае действует в границах общепринятой нормы, что делает жизнь в обществе комфортной. Такова первичная форма самоидентификации, ее дополняет процесс «самоотличения с иным», его преодоления и неприятия. Здесь проявляются воля человека, его усилия, возможности вступить в диалог с иным. Индивид в процессе самостановления на каждом этапе жизни выбирает ту или иную форму обретения себя, он «обречен на свободу» выбора.

Представление о социальной реальности, как постоянно создаваемого результата взаимодействий между индивидами, стало основой таких социальных теорий как феноменологии знания (П. Бергер, Т. Луман) и этнометодологии (Г. Гарфинкель). При этом необходимо учитывать, что такие важные признаки повседневности, как неосознанность, автоматизм, внеличностные аспекты сознания, позволяют объединить в одно целое несколько поколений в едином обществе. Это обеспечивает медленное изменение повседневности во времени, определяя ее относительно константный характер.

Указанные свойства также помогают увидеть, что повседневность и жизненный мир не совпадают по содержанию. Последний выступает как мир культуры, он намного шире и включает в себя все многообразие отношений человек-мир. Как верно отмечает В. П. Козырьков, повседневность не совпадает полностью с жизненным миром. Например, до сих пор остается открытым вопрос о статусе виртуальной реальности: является ли повседневностью эта часть жизненного мира? На наш взгляд, важным критерием отбора может служить «способ включенности» в различные миры, здесь могут реализовываться теоретическая установка, эстетическая и др., тогда как в повседневности же доминирует «естественная».

Подчеркнем, что понятие «жизненный мир», введенное Э. Гуссерлем, помогает преодолеть разорванность в отношениях между человеком и миром, возникшее в результате развития научного знания. Для науки внешний мир представляет собой объект, отделенный от субъекта, то есть в такой системе человек выносится за рамки мира. Появление понятия повседневности способствовало их сближению. Сфера социальных отношений, которую она актуализирует, с ее помощью перестала быть внешней, противостоящей субъекту, который ее постоянно конструирует. Данное обстоятельство объясняет нарастающий исследовательский интерес к этой теме, ее актуализацию в современном мире, а также то, почему повседневность приобрела самостоятельный статус в философии.

Завоевание повседневностью философского пространства оказалось сопряженным с появлением осложнений. В связи с многогранностью этого понятия возникла тенденция подменять его с одной из граней – обыденностью. Для человека повседневности это два тождественных понятия, которые как синонимичные перешли в научную область. При этом оба языка, естественный и научный, не способны адекватно описать повседневность, поэтому в результате образовалась сложная ситуация. С одной стороны, в научной сфере есть понимание того, что повседневность – значимая область исследования, а с другой, не стирается полностью фон недоверия, присутствует некоторая степень сниженного отношения к ней. Дело в том, что исследуя повседневность, ученые часто используют классические термины философии, традиционно выражающие негативные оценки этой сферы и обозначающие ее аспекты, а не всю целостность. Соответственно, представляется важным развести понятия повседневности и обыденности.

Смешение этих понятий можно увидеть не только в работах периода формирования темы повседневности в социально-философском знании (В. Вальденвальс), но и современных (В. В. Корнев). Решить создавшуюся проблему, на наш взгляд, можно через обращение к этимологии слов. «Обыденный» в исторической ретро-

спективе обозначает – в один день выстроенный (в Никоновской летописи). У Даля – однодневный, «одноденный», «об один день сделанный», одни сутки длящийся. Следовательно, это то, что не входит в содержание понятия повседневности, так как она представляет собой устоявшуюся, постоянно повторяющуюся норму, и места временному, преходящему здесь нет. Сюда может входить какое-то единоразовое событие, которое в силу своей случайности и однократности может и не стать повседневностью.

В дальнейшем слово «обыденный» приобретает значение будничной, заурядной, поэтому обыденность, в большей степени – отношение к жизни, к событиям в повседневности. А если быть точнее, обыденность – продукт повседневности, ею создаваемый из постоянно повторяемых явлений и событий в жизни человека. При этом не каждое событие может стать обыденным, в число таких входят различные виды длящихся пограничных ситуаций, например, страха, боли. Как верно отмечает современная исследовательница В. К. Суханцева, обыденность «говоря условно, это сфера сниженного бытия, лишенного метафизических оснований и трансцендентных глубин. Обыденность есть пространство самореализации практического разума...» [9,118].

Приведенное выше высказывание подтверждается этимологическим происхождением слова обыденность. Однокоренным в этом случае выступает – «быт». Данное понятие так же смешивают с «повседневностью», что наиболее часто наблюдается в историко-культурных исследованиях. В современном историко-этимологическом словаре «быт» определяется как «уклад жизни, совокупность обычаев, привычек, нравов и т.п., характеризующих какой-нибудь народ, общественный слой, группу...».[10,129] В исторической ретроспективе слово быт в своем значении определялось понятием дома, например: др.-русское *быть* – скарб, имущество; чешское *byt*- жилище, квартира; литовское *butas* – род, *buta* – квартира; др.-прусское *buttan* – дом, и др. Мы предлагаем под словом быт понимать уклад жизни, совокупность обычаев, привычек, нравов характеризующих какой-нибудь народ, общественный слой, группу, ограничивающейся областью жилища.

Выводы: повседневность есть нечто большее, чем быт или обыденность, но в тоже время обе эти сферы являются ее основой. Жизнь человека, протекающая в условиях быта, представляет собой смену явлений и событий. Они могут стать обыденными в силу своей будничности, то есть в постоянной повторяемости происходит потеря смыслов, так, например, даже праздник может стать обыденным. А могут стать элементами повседневности, которые закрепляются на глубинном уровне культуры, сознания человека и остаются неизменными даже если его бытовая, обыденная жизнь резко изменяется.

РЕЗЮМЕ

Розглядається співіснування терміна повсякденність з близькими за значенням до нього поняттями в соціально-філософському дискурсі. Вказуються основні характеристики повсякденності, що дозволяють розмежувати її з синонімічними поняттями.

Ключові слова: повсякденність, життєвий світ, буденність, побут.

SUMMARY

The coexistence of everydayness with such field of discourse as social conditioning and philosophy is considered. The main constitutive points which are able to differentiate everydayness from synonymic issues are observed.

Key words: everydayness, lifeworld, mundanity, everyday life.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие [Текст] / Л. Г. Ионин. – М. : Логос, 2000. – 432 с.
2. Марков, Б. В. Философская антропология [Текст] / Б. В. Марков. – СПб. : Лань, 1997. – 384 с.
3. Повседневность // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 3 – Н-С. М. : Мысль, 2001. – С. 253–255.
4. Шютц, А. Структура повседневного мышления [Текст] / А. Шютц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
5. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. Пер. с англ. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 460 с.
6. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта [Текст] / И. Гофман. Пер. с англ. Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; Вступ. ст. Г. С. Батыгина. – М. : Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
7. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии [Текст] / Г. Гарфинкель. – СПб. : Питер, 2007. – 335 с.
8. Февр, Л. Бои за историю [Текст] / Л. Февр. – М., 1991. – 629 с.
9. Суханцева, В. К. Метафизика культуры. / В. К. Суханцева. – К. : Факт, 2006. – 368 с.
10. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. [Текст] // П. Я. Черных. – Т. 1. – М., 1999. – 560 с.